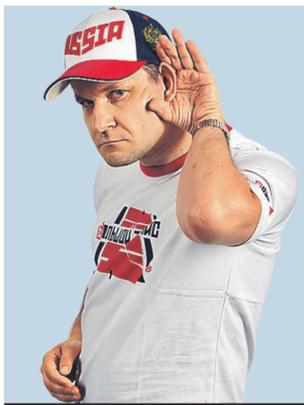

У Томаса Баха длинные руки

Как, зачем и во что одедали Международный олимпийский комитет

вне игры

АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ

Корреспондент «Коммерсантъ-boscosport» АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ выяснил, что кроме сборной России на этой Олимпиаде в российской форме ходят еще две команды.

Это был вечер пятницы, 5 августа. Пятизвездный Windsor Mararendi готовился к отправке на церемонию открытия Игр членов Международного олимпийского комитета (МОК), которые жили в этом отеле со своими семьями и обслуживающим персоналом. Все постояльцы вдруг разом вышли в холл, и он превратился в такое темно-синее, от фирменных костюмов бурлящее море, под стать бушующему через дорогу Атлантическому океану. Самая настоящая предстартовая суета захлестнула и странное помещение на втором этаже. Большая комната где-то в 150 кв. м была уставлена передвижными вешалками, зеркалами и различным швейным оборудованием. Это был экипировочный центр МОК. Сюда то и дело заскакивали разного вида люди. Кто-то забирал приготовленные для них коробки с одеждой. Кто-то сразу доставал из них костюмы и тут же примерял их. Кто-то просил чуть укоротить длину брюк. Все пожелания мгновенно исполнялись.

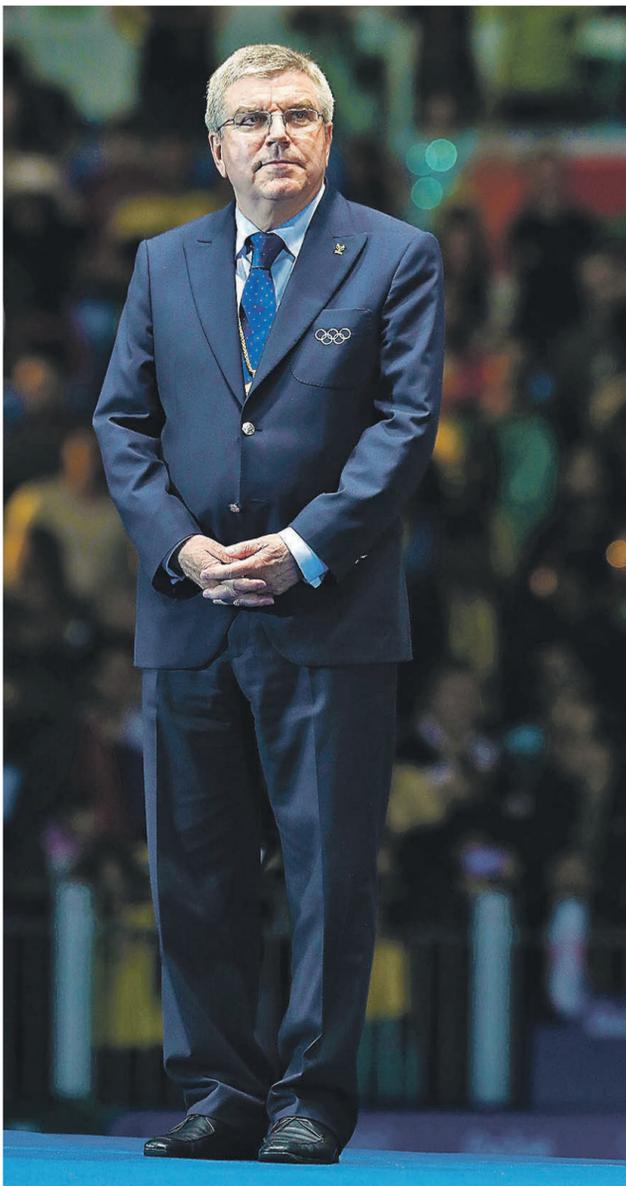
А одному человеку, как выяснилось, всего лишь нужно было поговорить. И он решил поговорить со мной — единственным, кто слонялся, как казалец, по комнате без дела.

— Я просто зашел поблагодарить, — сообщил он. — Со мной никто никогда столько не нянчился, даже мой личный портной.

После этого он пожал мне руку, долго тряс ее, а потом отвернул лацкан своего безупречно сидящего пиджака, кивнул на эмблему Bosco и поднял вверх большой палец.

— Это сейчас еще спокойная обстановка, — поясняет руководитель проекта «Экипировочный центр МОК» Константин Андрикопулос. — Не то что две недели назад, когда мы заехали сюда и нам только предстояло одеть около 300 человек персонала и 98 членов МОК. Теперь-то шлемуем лишь какие-то детали, а до этого работали в буквальном смысле на износ — по 18 часов в сутки. Восемь портных, включая пожилую пару из Италии, шьющую для Ето, четыре экипировщика, десять швейных аппаратов, я уж не говорю про парогенераторы и гладильные доски... Каждый день у нас было по 30–40 посетителей. И чем привилегированнее была особа, тем меньше было проблем. А ведь среди членов МОК есть и король Голландии, и датский кронпринц, принцесса Лихтенштейна. Тяжелее всего приходилось с обслуживанием. Одной секретарше шесть раз юбку ушивали, никак не могла утомониться.

Вряд ли, конечно, кто-то думал, что к такой беспрецедентной цепочке событий приведет предложение президента МОК Томаса Баха поучаствовать в тендере на право обеспечения

Мечте президента МОК Томаса Баха одеться в пиджак от Bosco пришлось преодолеть немало препятствий как бюрократического, так и анатомического свойства. И тем не менее ей суждено было сбыться

ФОТО СЕРГЕЯ КИВРИНА

АНДРЕЯ ГОЛОВАНОВА/BOSCO

его организации гражданской одеждой. Это предложение поступило к Bosco на волне успешной организации Игр 2014 года в Сочи. До этого официальным поставщиком МОК была американская Ralph Lauren. То есть можно представить, на каком уровне велась конкуренция, хоть конкурс был и закрытым. Но в итоге его выиграл именно российский экипировщик.

Казалось, работа ждет — не бей лежачего. Всего-то стоило обеспечить каждого моковца двумя комплектами костюмов, галстуков, запонками, ремнями, одной курткой и шестью рубашками. У женщин к этому джентльменскому набору добавлялись юбка и платье. Во всем этом сотрудником МОК предстояло ходить на всех официальных мероприятиях до следующей Олимпиады.

Для начала следовало разработать и утвердить у заказчиков дизайн. Тут то и поджидала первая заковыка. МОК оказался крайне консервативен в плане выбора одежды и отвергал какие-либо попытки дизайнеров Bosco покреативить. К тому же утверждение занимало катастрофическое количество времени. Ну кто бы мог вообразить, что согласование классического пиджака может длиться полгода? Скрупулезно обсуждались все детали: не только качество ткани и ее цвет, но и размер олимпийских колец на кармане и пуговицах... Кстати, серебряный контрастный цвет нити колец — чуть ли не единственная принципиальная новация, которую удалось отстоять. Это было первой, но не последней победой наших поставщиков на этом новом фронте.

Дальнейшее исполнение заказа осложнялось тем, что работающий в Лозанне персонал можно было заново обмерить, а вот снять мерки с живущих в разных странах членов МОК возможным не представлялось. Пришлось пользоваться данными, предоставленными в письменном виде. Не то чтобы они оказались некорректными, но фигура людей со временем имеет свойст-

ва меняться. Кто-то поправился, кто-то, напротив, схуднул. К тому же среди членов МОК не только много весьма взыскательных клиентов из высших слоев общества, но и много бывших (да и действующих) спортсменов, у которых в зависимости от их вида спорта имеются разные неожиданные особенности строения тела. Скажем, у самого Томаса Баха, бывшего фехтовальщика, вполне объяснимо одна рука оказалась на два с лишним сантиметра длиннее другой. И вот что с этим делать? Правильно, вывозить в Рио-де-Жанейро всю эту кучу персонала с сопутствующей техникой и подгонять одежду уже непосредственно на месте.

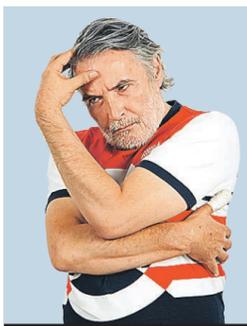
— Где-то на второй неделе работы в Бразилии мы наконец-то получили уверенность, что дела идут неплохо, — рассказывает господин Андрикопулос. — Считая так позволили постоянные просьбы клиентов сделать дополнительные комплекты одежды для членов их семьи, друзей. Вы же все-таки не будете заказывать одежду, которая вам не нравится, правда? К сожалению, мы всем были вынуждены отказать, потому что олимпийские кольца — зарегистрированный товарный знак, права на использование которого принадлежат МОК. И на сегодняшний день политика МОК такова, что иметь одежду с этим знаком могут исключительно члены комитета...

Окончательно победу было отпраздновать, когда в самый последний момент МОК сделал Bosco дополнительный спецзаказ — одеть в такие же костюмы всю команду беженцев: десять спортсменов и 12 тренеров, вступающих на этой Олимпиаде под флагом МОК. Все вроде хорошо, но тут у читателя может возникнуть и вопрос: а что дает нашему Bosco такой сложный контракт? Кроме, разумеется, престижа и повышения узнаваемости бренда среди высокопоставленной, но все-таки узкой аудитории членов МОК?

Разумеется, приятно осознавать, что твоя фирма не хуже, а в чем-то даже сильно лучше, чем Ralph Lauren американской сборной. Но плата за это все-таки очень велика. Контракт-то, по сути, бартерный: МОК не платит Bosco за возможность одеть себя ни копейки. Поэтому, с моей точки зрения, полноценная бизнес-задача во всем этом проекте могла быть только одна: доказать клиенту свою состоятельность в преддверии окончания того контракта на спортивную экипировку, которым сейчас владеет Nike. А обеспечивать МОК спортивной одеждой — это уже более лакомая история. Ведь на спортивной-то одежде указывать логотип производителя можно уже не на внутренней стороне, а на внешней. Что, разумеется, таит в себе совершенно новые маркетинговые возможности.

Но, затеяв всю эту комбинацию, никто, конечно, даже не думал, что невольный наш экипировщик сыграет, возможно, решающую роль в истории с допуском российских спортсменов на Игры-2016. Вы уже крутите пальцем у виска? Повремените! Лучше представьте, например, что у вас рассматривается важное дело в суде. А при этом все члены суда являются постоянными клиентами принадлежащего вам ресторана. И каждый день бесплатно питаются у вас. И им вкусно. И у вас складывается с ними какое-то неформальное общение. Ну и как вы думаете, засудят ли вас при таком раскладе? Особенно если еще и чисто юридическая правда на вашей стороне?

Если принять на веру эту мою конспирологическую теорию, то Олимпийский комитет России до 2020 года теперь может спать спокойно. Потому что, как в эксклюзивном порядке рассказал мне глава Bosco Михаил Куснирович, им уже подписан контракт на обеспечение МОК одеждой вплоть до Олимпиады в Токио.

АНДРЕЙ ОРЛОВ (ОРЛУША)

ОЛИМП ОЭЗИЯ
ГЛАВА 10
Не проходите мимо!

Я не могу молчать про это: Не только мой язык острей. Вчера я видел стенгазету С простым названием

«Волонтер», И там, как мы когда-то в школе, Коряво, криво, от руки Редактор написал: «Доколе!» И ниже: «Как они мелки — Те, кто записан в добровольцы. Но на дежурство не пришёл. Он опозорил флаг и кольца. Он — жулик, вор и балабол!» Ещё понижее — сорок фоток Тех, кто по-подлому словчил И не выходит на работу, Хоть сумку с формой получил. Пусть тот, кто смог пойти на это, Предстанет под всеобщий взор На волонтерской стенгазете Под текстом: «Shame on You!» (Позор!)

Про этих волонтеров, братцы, Я, кажется, уже писал — Про их умение улыбаться, Про их весёлые глаза, При этом ничего, заметьте, Про их пылливый быстрый ум! Они наивны, словно дети, И по-английски — ни бум-бум. У них любимая забава — Собравшись человек по шесть, Держать табличку

«Выход — справа» Там, где и так табличка есть. Я как-то раз таким:

«Иксьюз ми... Олимпик виллидж пар фавор?» Они в ответ взглянули грустно, Потупив волонтерский взор. Потом одна другой подруге На чистом русском говорит: — Мы тут устали, как зверюги, А этот, так его едрит, Куда-то, блин, дорогу ищет! Подруга ей: — Наташ, потише! Ты просто покажи «туда», И пусть себе идёт балда, А скоро подойдёт Антон, И мы пойдём на бадминтон, Который тут неподалёку... Наташа ей: — И правда, сколько Тут можно на жару торчать?! И, помянувши мою мать, Мне показала вдаль куда-то. Я говорю: — Пока, девочки! Они: — Смотри, а тут подчас Слова — такие, как у нас!

«Похожи языки бывают!» — И я решил, в один из дней Вдруг встретив Фу Юаньхуэй — Суперпловчиху из Китая, «Хуэй» — транскрипция для наших, Её придумали в Москве, Добавив нашу букву «э» В «хуэй», чтобы звучало краше. А на английском — хоть ты плой — Звучит торжественно и звонко Над стадионом: «Fu Yuanhui», Ведь так же и зовут девочку. Ну ладно, будет пусть «хуэй» Для благозвучья и цензуры...

(продолжение в следующем номере)

Она мне нравится, ей-ей, Её никто не видел хмурой. Она, взойдя на пьедестал, Порой такие корчит рожи, Что хохотать ютубу устал И твиттер с инстаграмом тоже. Пловчиха небольшого роста Вновь заслужила «ай лав ю», Когда после «четыре по сто» Давала прессе интервью. Сперва всё было честь по чести: Китайцы — на четвёртом месте, И тут какой-то идиотик Спросил: — У вас болит

животик? Она в ответ: — Какой живот?! Да просто — месячные, вот! «Критические дни», дела, А так бы я бы проплыла Быстрее всех американок! Весь интернет взорвался:

«Странно, Что не стесняется она Сказать, что вовсе не больна, Ведь все скрывают на планете Тот факт, что дни бывают эти». Короче, Фу Юаньхуэй

Не просто всех порой быстреей, А всех честнее и отважней. Четвёртое? Не это важно. Ведь через день или через пять Стать может первой опять И покривиться, как бывало, С ступеньки первой пьедестала.

Да, кстати, сразу отвечаю, Где я таких людей встречаю, Как рекордсменок из Китая, Притом почти не обитая В пресс-центре и на стадионах. Ответ: бывайте в тех районах, Где жизнь, пульсируя, кипит, Ведь Рио никогда не спит. Швейцар на днях мне

подсказал,

Что есть квартал Педра-ду-Сал, Он там, проклятые и каррамба, Живёт, пытаясь ночью спать, Но даже ночью звуки самбы Звучат, стихая только в пять! — Вот это — наше! — я ответил, Он мне на карте путь отметил, И через час уже я там... Сперва как будто бы там-там Звучал, чего-то отбивая, Сперва подумал: тут — тоска, Но тут же яркая река По улице течёт людская!

Оркестр! Перья! И — такая Вдруг камарилья началась, Что я подумал — взорвалась Тут, на районе, психбольница И психи все, раскрыв лица, На улице танцуют лихо. Но, разглядевши этих психов, Любой бы согласился, кстати, Ночь провести у них в палате! У них размер «четыре плюс» Тут не считается за биост, Тут или на фиг грустно топай, Или крути, как люди, попой!

Мне рассказали очень скоро, Что тут «Оркестра Воадора» Веселья гонит буйный вал, Ведь скоро, скоро — Карнавал, И это — не угар смертельный, А тренинг их ежедневный! Тут побывать необходимо. Друзья, не проходите мимо!

Олимпийская голограмма

Как спорт выводит нас на чистую воду

moscow view

НИКОЛАЙ ФОХТ

Шестым олимпийским кольцом для НИКОЛАЯ ФОХТА стала Московская кольцевая автодорога. Именно она навяла ему мысли о том, что спортивное соперничество способно пробудить все худ-

шее в людях. Но зато потом, когда наваждение проходит, они становятся лучше. И оказываются способны на то, чего от них трудно было ожидать — как, например, наши ватерполистки, неожиданно взявшие верх над испанками.

Пару дней тут у нас в Москве трудновато было жить. А тем, кто далек от спорта и Олимпийских игр, — вообще крышка. Ведь те прочие, дезориентированные граждане, москвичи и гости, по старинке рвутся в самый центр. Не исключено, что на Красную площадь. А оттуда, из самого сердца столицы, обратно на вокзал или в аэропорт как? Яуза вышла из берегов, подземные переходы затоплены, автомобили безвольно дрейфуют в бесконечные московские тоннели.

То ли дело олимпийский болельщик. С семи-восьми вечера у него вообще дел по горло, шаг от телевизора не ступить. Вот тут сборная запасным составом выигрывает волейболу

иранцев, а тут, смотри-ка, Денис Аблязин две медали, на кольцах и опорном, берет, а впереди, перед сном надо посмотреть финал в 91 по боксу, Тищенко, а еще Чакветадзе за золото в греко-римской и Семенова за бронзу.

А утром и днем, в свободное от Бразилии время, можно покататься по МКАД. Более или менее сухо и все необходимое под рукой: «Ашаны» для здорового питания, «Леруа мерлен», чтобы наконец новую лейку для текущего крана на кухне купить, «Декатлон» для предстоящего личного спорта.

Никаких тебе проблем, все как-то здорово: отсюда выехал, туда и приедешь.

А по дороге, чтобы синхронизироваться с окружающей реальностью, можно слушать спортивное радио.

Тем более что спортивное радио теперь смешивает политические новости со спортивными. Очень удобно. Хотя и страшновато, новости та-

кие, мускулистые: сначала про бомбардировщики и крылатые ракеты, потом про нулевую ничью «Оренбурга» и «Амкара».

Именно из спортивного радио я узнал, что Давит Чакветадзе почти всех победил и вышел в финал. «А знаете, с кем он будет бороться в финале? — спрашивает ведущая новостей. — С украинцем, у которого странное имя — Жан!»

«Да ты бы видела этого украинского Жана. Он такой украинский, что дальше некуда!» — остряет ее коллега. «Не буду даже смотреть, а то не усну», — подхватывает репризу девушка, и все в студии залиvisмо смеются.

Речь о темнокожем борце Жане Беленкоке. Вообще как-то это совсем странно: получается, спортивные журналисты посмеялись над несоответствием цвета кожи Беленюка и его национальной принадлежностью. Хотя Жан родился на Украине, прекрас-

но говорит по-русски и, вообще, он чемпион мира. Гуглится это за 15 секунд. Что смешного-то? А уж на спортивном канале это вообще нонсенс — указывать на цвет кожи спортсмена.

Это такая же дичь, как выходка грузинского дзюдоиста, который 8 августа выстрелил из пальца в побежденного, нашего Дениса Ярцева. Мне рассказывали, что никто даже не отреагировал на этот жест — настолько это дико для дзюдо. Говорят, потом грузинский борец, выигравший бронзу, бросился жать руку сопернику.

Это такая же дичь, как то, что египетский дзюдоист не пожал руку израильскому; как не поздравившие Ефимову американки.

Ладно, спортсмены хотя бы в пылу борьбы, а мужчины и женщины в тихой радиостудии какого рождня?

Сделав все дела, ни разу не утонув, привычно завершаю суточный олимпийский круг. Все вообще-то по

плану: золото и бронза в борьбе, тяжелая победа в боксе и вдруг — бах! Вот прям совершенно случайно, для порядка включил безнадежный, как признали на том же спортивном радио, как я и сам думал, матч женских ватерпольных сборных России и Испании. Наши играли отлично: дисциплинированно, эффективно, жестко. Не просто выиграли — с запасом. Как такое возможно? Я был посрамлен в своих прогнозах — и какое это упительное посрамление. Не стыдное, триумфальное.

Чем хороши Олимпийские игры для простого московского человека? Это грандиозная проекция, а то и голограмма чужих и наших собственных страхов, средневековых заблуждений, клише — и наглядное их разоблачение. О чем бы ни говорили по радио или телевизору, на ковре, дорожке, помосте, все встает на свои места.

Нам становится стыдно и радостно, мы становимся лучше.